

НАУЧНО- ПОПУЛЯРНЫЙ ЛЕКТОРИУМ

В разделе публикуются познавательные статьи научно-популярной тематики по разным областям наук в целях помочь педагогам применить материалы для использования на уроках, а также помочь школьникам полюбить как науку, так и исследовательскую практику.

Идол северных дружин

Александр Николаевич Дахин,

доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии института физико-математического, информационного и технологического образования ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»; кафедра военной педагогики и психологии федерального государственного казённого военного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации»

В статье раскроем роль, значение, смысл и... стиль военного гения одного из великих, а, на мой взгляд, величайших полководцев России, Светлейшего князя, генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова, который, отступая, побеждал, не жаждал побед, а искал в них смысла, возглавил русскую армию едва ли не в самый критический момент истории. Для такого вывода есть все основания. Во-первых, в Россию вторглась группировка свыше 600 тысяч человек, такого количества войск ещё не знала ни одна кампания. Во-вторых, Великую французскую армию возглавлял гениальный полководец — Наполеон Бонапарт. Назначение Михаила Илларионовича Кутузова состоялось в августе 1812 года, и через восемь месяцев он умрёт. То есть, это был смертельно больной человек, известный своими двумя, как считалось, смертельными ранениями в голову, взваливший на себя ношу спасителя Отечества, и, действительно, уже через четыре месяца боёв выпроводивший неприятеля с территории России, разгромивший при этом его основную часть. Задача этой статьи — раскрыть способ формирования военно-профессио-

нального опыта российского военачальника, который, служа Родине более 50 лет, выкристаллизовывал собственное знание о смысле служения Отечеству. Долг перед Родиной и её народом оставался для него выше собственных амбиций, т. к. фельдмаршал не просто военачальник, каковых было много в нашей стране; он был политиком, патриотично служившим России, в каком бы состоянии она ни была. Это значит, что полководец мыслил не только и не столько категориями военных операций и связанных с ними сражений, а социально-экономической и военно-политической целесообразностью происходящего. Он умел анализировать всю историческую драматургию кампании, поэтапно развёртывающуюся как в пространстве событий, так и во времени осмысления её результатов. Именно на этом умении сделаем основной акцент в данной статье и коснёмся только одного эпизода профессиональной карьеры Михаила Илларионовича Кутузова, относящегося к русско-турецкой войне 1806–1812 гг.

Итак, цель статьи — воспитательная, скорее, военно-патриотическая, а не только историческая, и уж тем более не военно-

стратегическая, раскрывающая полководческий талант фельдмаршала. В основном речь пойдёт о личности исторического деятеля, посвятившего себя защите Отечества, а, следовательно, сочетавшего в своей профессии и качества военачальника, и дипломата, и педагога, и, разумеется, психолога, тонко чувствовавшего и направлявшего помыслы как сослуживцев, так и своих соперников. Именно педагогической направленности будем придерживаться, раскрывая военно-стратегические, политические и тактические замыслы М. И. Кутузова, позволившие ему одерживать победы, уклоняясь от боя, уничтожать противника, хитростью заманивая неприятеля в приготовленную стратегическую ловушку, завершать кампанию победоносно, относясь к успеху с некоторой самоиронией. Всё это говорит о профессиональном опыте полководца и не только...

В кампании 1811 года на Балканах появляется и проявляется гений М. И. Кутузова, в первую очередь, как политического деятеля, создававшего историю России. Видимо, в этом и есть подлинная суть патриотизма. Кроме того, следует добавить тонкое понимание полководцем психологии как неприятеля, противостоящего русской армии, так и психологии самой русской армии, выполняющей свой священный долг по защите Отечества. На этом аспекте сделаем особый акцент, т. к. именно он, на мой взгляд, отвечает на вопрос, почему чуть менее чем через год именно к М. И. Кутузову будут обращены взоры всех сословий русского народа как к спасителю Отечества. Почему именно ему предстоит стать национальным героем России, обретя прочно прикрепившуюся к нему легендарную славу исторического, патриотического, военнополитического мифа Спасителя Священной Руси. Его мифический образ подвергался атакам русофобов всех мастей, стремящихся разрушить культурно-исторический, национально-патриотический фундамент самого существования России, однако, выстоял и продолжает служить делу воспитания нового поколения молодых россиян.

Начнём с классика русской литературы. Есть общепринятое мнение, что если «наше всё» Александр Сергеевич Пушкин коснулся пером какого-то исторического персонажа, то это, безусловно, значимая личность. М. И. Кутузову поэт посвятил такие строки.

*Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамён нависший ряд.
Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех её врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.
В твоём гробу восторг живёт!
Он русской глас нам издаёт;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Возвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...*

В статье речь пойдёт о кампании 1806–1812 годов, которая какими-то гирями безысходности висела на всей российской политике, не приходя ни к победе, ни даже видимому локальному успеху. Это была так называемая компенсационная война, призванная хотя бы частично заслонить позор, произошедший в результате крупнейшего поражения русско-австрийских войск под Аустерлицем. Неудачи военно-стратегические, да и политические, и экономические желательно прикрыть маленькой победоносной войной над заведомо слабым противником. Расчёт — поднять престиж России за счёт Турции понятен, тем более что это политическое направление имеет свою давнюю военно-историческую направленность и рождает патриотические ассоциации с крупными военачальниками, прославившими русское оружие в ходе многочисленных русско-турецких войн.

Для того, чтобы отвлечь Россию от европейского театра военных действий, Наполеон Бонапарт отправил в Стамбул с дипломатической миссией генерала Ораса Франсуа Бастьена Себастьяни де Ла Порта, заметим, возглавившего в 1812 году авангард французской армии, вступившей в Москву. Когда генерал Себастьяни прибыл в Стамбул, аннексия Дунайских княжеств русскими войсками уже состоялась. И хотя эти княжества, строго говоря, были автономны, они входили в протекторат Турции. Главнокомандующий Дунайской армией генерал от кавалерии Иван Иванович Михельсон, выполняя распоряжение императора Александра Первого, вдобавок оккупировал всю территорию Румынии.

Такие действия официального Санкт-Петербурга были восприняты европейским сообществом как пример вероломства, что, собственно, таковым и было. Задача генерала Себастьяни была максимально упрощена решениями русского императорского двора, который фактически подтолкнул султана к новой войне с Россией. Мгновенно рухнула вся многоходовая политическая комбинация российских дипломатов, направленная на присоединение Османской Порты к антифранцузскому союзу.

Генералу И. И. Михельсону шёл 67 год. Он провёл несколько мелких сражений, которые выиграли русские, но без какого-то стратегического результата. Были и неудачи: попытка взять Браилов провалилась, осада Измаила затянулась. Не овладели русские ни Силистрией, ни Рущуком, ни Джуржей. Главнокомандующий оказался отличным командиром полка и слабым стратегом. Имея фронт в 1,5 тысячи километров, генерал растерялся, не составил единого плана боевых операций, действовал хоть и решительно, но спонтанно. При этом, картинно выхватив шпагу, с вдохновением водил в атаку полки на какую-нибудь деревню. Героизм его был несомненен, как впрочем несомненной оказалась его полководческая беспомощность. Главнокомандующему удалось договориться о подписании перемирия с турецкой стороной в августе 1807 года, за что Иван Иванович навлёк на себя гнев государя Александра I. Но этот гнев императора не нашёл своего адресата.

Накануне подписания перемирия Иван Иванович Михельсон проявил лихорадочную, не всегда осмысленную деятельность полководца, дипломата и политика, после этого заболел и умер.

Как-то не везло русской армии с командующими на Балканах в русско-турецкой войне 1806–1812 годов. И это при том, что Балканский театр военных действий был хорошо известен русским полководцам с давних времён. Тропой войны ходили, правда, с переменным успехом, такие участники русско-турецких войн, как: Пётр Великий и его генерал-фельдмаршал А. И. Репнин, князь В. В. Голицын и генерал-фельдмаршал И. П. Салтыков, современники М. И. Кутузова, у которых он изучал науку побеждать — П. А. Румянцев, Г. А. Потёмкин, А. В. Суворов.

Новым главнокомандующим стал генерал-фельдмаршал князь Александр Александрович Прозоровский. Герой Се-

милетней войны, он какое-то время был даже военным комендантом Берлина. Рассказы об отваге А. А. Прозоровского были частью героического фольклора вплоть до 1917 года. Его поступки с удовольствием пересказывали в войсках, дополняя нелепыми легендами и даже анекдотами. Заурядная личность не заслужила бы такого внимания в военно-профессиональной аудитории. Однако к 1807 году от прежнего красавца с богатырским разворотом плеч осталась 80-летняя развалина. Да ещё характер стал тяжёлый, брюзгливый, нетерпеливый. Он всех подозревал в изменах, интригах и неприятии своего авторитета. Его сила, воля, ум и проницательность подверглись тяжёлому испытанию временем. Главной задачей дряхлеющего на глазах фельдмаршала было противодействие любой инициативе подчинённых, подвергающих, как ему казалось, авторитет главнокомандующего сомнениям. Но 9 августа 1809 года князь А. А. Прозоровский занемог и умер. Последняя страница его жизни была бесславной. Когда-то это был человек если не великих талантов, то великой отваги, чести и доблести. Блистательная жизнь завершилась тоскливой, истине заедающей чужой век старостью через постоянную подозрительность и раздражительность, невращению и дихотомию восприятия всех и вся.

Вместо А. А. Прозоровского главнокомандующим Дунайской армией был назначен князь П. И. Багратион. В Санкт-Петербурге надеялись, что Пётр Иванович и на Балканах проявит свою быстроту, натиск и решительность, что он умел делать. Но почему-то военно-политический истеблишмент Российской империи не вспомнил, что князь никогда не командовал крупными войсковыми соединениями, а являлся только исполнителем. Да, героическим и блистательным, но всё же только исполнителем чужой стратегической инициативы. Собственно, стратегом он никогда и не был. Но после окаменелости Прозоровского при Багратионе создалась иллюзия какого-то движения, хотя логики в ней тоже не было никакой. Князь оказался очень неуживчивым и среди генералов начались раздоры. Выяснилось, что генерал Багратион не смог организовать ни снабжение армии, ни подходящих условий для зимних квартир. В результате дисциплина в войсках упала, появились неприятные хищения, мародёрство, казнокрадство, и Александр

Первый с раздражением отстранил князя Багратиона от командования армией. Заметим, что отставка Багратиона была вынужденной ещё и по причине болезни князя дунайской лихорадкой, от которой он избавился только перед началом Отечественной войны 1812 года.

В 1810 году главнокомандующим был назначен генерал от инфантерии Николай Михайлович Каменский, которому было всего 33 года, — это сын знаменитого фельдмаршала М. Ф. Каменского. Молодой командующий развил бурную деятельность, сочетая в своём стиле решительные по замыслу, но затратные по времени, боевым ресурсам, людям импровизации с провалами операций как на тактическом, так и на стратегическом уровнях. Но и он заболел лихорадкой и 4 мая 1811 года тоже умер.

Все перечисленные русские командующие были людьми разного темперамента, имели оригинальную, выдающуюся военно-политическую, дипломатическую и оперативно-тактическую одарённость. При этом не было ни одной заурядной личности, демонстрирующей какую бы то ни было военно-профессиональную бездарность. Но эта кампания была словно проклята для русской армии, а военачальники тонули в рутинном болоте бессмысленно-многочисленных, хаотичных столкновений с противником.

В мае 1811 года на Дунай прибыл новый главнокомандующий — генерал Михаил Илларионович Кутузов, старейший и по возрасту, и по производству в чин генерала от инфантерии военачальник. Следует заметить, что 66-летний возраст генерала и сопутствующие этому почтенному возрасту множественные недомогания, сложные, если не сказать, неприязненные отношения с государем императором свидетельствовали о завершающемся жизненном и карьерном этапе одного из заметных «екатерининских орлов».

Готовясь к неизбежной войне с Францией, император Александр Первый кандидатуру М. И. Кутузова изначально не рассматривал, поэтому командировка на Балканы была выходом стареющего военачальника «под занавес». Что, собственно, понимал и сам генерал, оставаясь опытным царедворцем, хотя это качество не совсем вписывается в отмеченный нами выше миф о патриоте и гражданине. Кутузов был богатый помещик и материальных проблем, заставляющих его держаться за военную службу, у него не было. В пись-

ме к жене Михаил Илларионович сообщал, что к исходу лета 1811 года оставит военную службу, длившуюся более 50 лет. Назначение главнокомандующим на Балканский театр военных действий было для генерала полной неожиданностью: именно так, случайно, сложились обстоятельства, о которых мы упомянули выше. Во время болезни Н. М. Каменского обязанности главнокомандующего временно исполнял генерал-лейтенант А. Ф. Ланжерон, французский эмигрант. Но перед началом войны с Наполеоном это была не лучшая его характеристика. Кроме того, под командованием А. Ф. Ланжерона русские генералы перессорились и с этим надо было что-то делать. Итак, Кутузову просто не нашлось альтернативы. Перед новым главнокомандующим были поставлены две практически взаимоисключающие, а значит, почти невыполнимые задачи:

1. Имея армию чуть меньше 40 тысяч личного состава, генерал должен был до весны 1812 года закончить войну, разгромив основную армию турок.

2. В дальнейшем удерживать фронт от Видина до Измаила и принудить Турцию заключить мирный договор.

Итак, всё российское общество волновал вопрос: будет ли в предстоящей войне с Францией зиять кровавой раной ещё и Балканский второй фронт, так не вовремя созданный официальным Санкт-Петербургом?

Кутузов начал обсуждение сложившейся обстановки с Великим визирем, который был хорошо знаком Михаилу Илларионовичу по пребыванию в Стамбуле Лаз Азиз Ахмед-паши. Между командующими началась переписка, изобилующая обменом любезностями, вежливыми комплиментами, скромными, ни к чему не обязывающими подарками. В результате Михаил Илларионович выяснил следующее.

1. Турция не собирается заключать мирный договор, а использует текущие беседы для активной подготовки к предстоящим сражениям с русской армией на Дунае.

2. Османская империя очень сильно зависела от политики императора Наполеона, который предпримет все усилия, чтобы убедить правительство Турции не заключать мирный договор с Россией.

3. Император Александр Первый отказывался уменьшить территориальные претензии к Турции и настаивал на значительных контрибуциях. При таких исходных

позициях мирные переговоры были неперспективны, т. к. не предоставляли Кутузову возможность хоть какого-то дипломатического манёвра.

4. Великий визирь понимал, что фактор времени сейчас работает против русских, т. к. грядёт неизбежная война с Францией. Поэтому в состоянии усугубляющегося цейтнота русский командующий обязательно допустит какую-нибудь ошибку, которой турецкая армия и воспользуется.

5. Моральное состояние русских войск было удручающее, дисциплина падала, плечо коммуникаций растянулось, кроме того, готовилась переброска двух дивизий в Прибалтику для подкрепления 1-й западной армии М. Б. Барклая-де-Толли.

Удерживать в таком состоянии растянутый фронт было затруднительно. Место нанесения основного удара турками Кутузов вычислил правильно — это крепость Руцук, что в Болгарии. Кутузов приказал все занимаемые крепости по Дунаю взорвать, т. к. оборонять на протяжении 500 вёрст все дунайские крепости крайне сложно. Гарнизоны перебросить к единственной оставшейся крепости Руцук, чтобы именно туда притянуть внимание и силы Великого визиря. Новому командующему турецкой армии Ахмед-паше необходима слава победителя русских, и такая возможность ему как бы предоставлялась самими русскими, приготовившимися к генеральному сражению именно при Руцук, выполнившего роль стратегической наживки. Хорошо зная характер Ахмед-паши, имевшего двойной численный перевес в силах, Кутузов предположил, что Великий визирь организует наступление. Русская разведка обеспечила нужную утечку информации: неприятель готовится к превентивному наступлению, чтобы навязать туркам свою тактику предстоящего боя. Осталось только спровоцировать турецкое командование, подставившись под его ожидаемый удар. Крепость Руцук находится на южном, правом берегу Дуная, а русская армия была сконцентрирована на левом берегу. Кутузов перебросил основные силы в крепость Руцук, т. е. на правый берег, заняв хорошо укреплённую позицию при чёткой фиксации короткой оборонительной линии фронта естественными природными преградами — густым лесом и достаточно крутым оврагом. Армия сразу же воодушевилась сражением, что немаловажно для ратного дела. Активизировался и неприятель: к вечеру 20 июня 1811 года покинув лагерь

в Шумле, спешно идёт к Руцук силами свыше 75 тысяч, о чём русскому главнокомандующему донесла разведка. Приманка сработала. Теперь важно было если не выиграть сражение при Руцук, то хотя бы его не проиграть, что было необходимо для поддержания боеспособного морально-психологического состояния армии.

Уже утром 22 июня 1811 года турки произвели первую атаку на Руцук. Укреплённые сооружения короткого фронта обороны русской армии, глубокое распределение войсковых подразделений, подержанное мощным артиллерийским огнём в узком дефиле, по которой турецкой кавалерии предоставлялась возможность атаковать, всё это заранее было подготовлено М. И. Кутузовым для успешного оборонительного боя. При этом неприятелем предпринимались оказавшиеся безрезультатными попытки выманить русских с идеальной оборонительной позиции; в итоге Ахмед-паша приказал начать отступление. Казалось бы, именно теперь русским необходимо преследовать противника, бросив в атаку всю конницу. Однако русской армии с неполными 40 тысячами войск выходить на открытую позицию было очень опасно. Поэтому 26 июня главнокомандующий приказывает покинуть Руцук, перейдя на северный — левый — берег Дуная. Недоумение генералитета было полным, самый безобидный комментарий, принадлежавший графу А. Ф. Ланжерону, красноречиво отражающий настроение в войсках, был таков: «Наш старик совсем выжил из ума». Теперь мне, как автору статьи, необходимо сделать пояснение. Левый берег Дуная был низменный, с топкими болотами, труднопроходимыми не только для кавалерии, но и для пехоты, не говоря уже об артиллерии. Генерал Кутузов приказал отходить именно к Джурже, что на левом берегу Дуная, понимая, что Великому визирю необходимо реабилитироваться, и он рано или поздно вновь отдаст приказ о наступлении. Турки вошли в оставленный Руцук, и армии противников оказались разделены только рекой, что, собственно, составляло вторую часть замысла М. И. Кутузова. Михаил Илларионович хорошо понимал психологию противника, умел мыслить в традициях своего визави, так как воевал с турецкой армией давно и успешно. Парадоксальные решения, которыми Кутузов удивлял всех, были основаны на знании психологии противника

вообще и психотипа командующего турецкой армией, в частности. Кутузов понимал, что у Великого визиря уже возникли две проблемы. Первая связана с командным составом турецкой армии. Молодые и амбициозные офицеры жаждут победы над русскими, чтобы стяжать себе лавры героев Священной Порты. У каждого из этих офицеров-аристократов могущественные связи при дворе султана в Стамбуле. Кутузов был уверен, что Великий визирь поспешит переправить этих офицеров и их войсковые соединения на левый берег Дуная к Слободзеи (поближе к предполагаемой славе?). Вторая проблема относилась к дисциплинированности турецкой армии, в которой от долгого стояния с неизбежностью происходила моральная, нравственная и духовная деградация, сопровождаемая дезертирством и мародёрством. Сопротивление населения Болгарии в тылу турецких войск, да ещё на линии коммуникации армии поставило бы Великого визиря в крайне тяжёлое положение. Итак, турки переправились через Дунай, встали лагерем у Слободзеи в низинах, а русские скрытно стали укреплять доминирующие высоты, устанавливая на них дальнюю артиллерию. Разумеется, переправе турок Кутузов не мешал и не беспокоил их в лагере при Слободзеи. К 2 сентября Ахмед-паша переправил свыше 40 тысяч своих солдат, после этого Михаил Илларионович перешёл к завершающей фазе своего плана. В ночь на 28 сентября восьмитысячный отряд генерал-лейтенанта Евгения Ивановича Маркова скрытно переправился через Дунай в 18 вёрстах выше Рущука и 2 октября неожиданно атаковал турецкий лагерь на правом берегу. Расчёт на неожиданность оправдался, в лагере вспыхнула паника, и оставшаяся на правом берегу турецкая группировка перестала существовать. Крепость Рущук перешла к русским, генерал Марков приказал сжечь все понтоны и открыл огонь по лагерю неприятеля, расположенному на противоположном берегу, из турецких же орудий. Одновременно и батареи, расположенные по дуге в районе Джуржи, открыли ураганный огонь. В результате большая часть турецкой армии со всем командным составом во главе с Великим визирем оказалась в блокаде, в болотистых низинах Дуная. Численное преимущество турецкой армии на той позиции, на которую их заманил русский главнокомандующий, не имело значения. Прови-

анта боеприпасов было мало. Дисциплина рухнула. Начались смерти от болезней. Турецкая армия была обречена. В русском лагере царил ликование. Офицеры как-то все прозрели и всячески намекали друг другу, что они причастны к замыслу главнокомандующего и даже давали ему советы при составлении этой многоходовой стратегической комбинации. Поздравляя главнокомандующего с предполагаемым уничтожением всей турецкой армии со всем командованием, русские офицеры говорили, что это грандиозная победа русского оружия. Но теперь предстояло окончить войну, подписав мирный договор. Кутузов благосклонно принимал знаки восхищения его стратегическим гением, но испытывал к своим коллегам нечто вроде снисходительной иронии. Ещё никто не понял, что нельзя уничтожить турецкую армию и тем более Великого визиря. Эта испытывающая невероятные страдания армия должна стать разменной монетой на предстоящих переговорах. Окружённым оказался цвет турецкой аристократии, и семьи этих офицеров окажут давление на правительство Турции для спасения своих сыновей. Пленить Великого визиря пока не удавалось никому. Но лавры триумфатора не заслонили рассудительность Михаила Илларионовича.

Дело в том, что турецкий закон запрещает Великому визирю, находящемуся в окружении, а тем более в плену, подписывать какие бы то ни было документы. А переговоры о мире — это прерогатива именно Великого визиря, для которого Кутузов создал все условия освобождения (скажем прямо, бегства) из кольца окружения его армии. Оказавшись в Шумле, Ахмед-паша понял, что ему никогда не простят гибели цвета турецкой аристократии, поэтому предложил перемирие. А Михаил Илларионович Кутузов, понимая, что у Дастума-Ахмеда (именно так, Друга-Ахмеда, как он именовал Великого визиря в переписке) нет выхода, настоял на полноценном заключении мира. С российской стороны переговоры вели действительный тайный советник Андрей Яковлевич Италинский и генерал-лейтенант (впоследствии генерал от инфантерии) Иван Васильевич Сабанев. Чтобы турецкая армия зимой не погибла, русские стали подкармливать турок, затем турки под честное слово главнокомандующего Кутузова сдали оружие на хранение русским до заключения мирного договора. Но юридически,

щадя самолюбие противника, считалось, что турки находятся в гостях у русской армии и ни о каком плене речь не идёт. Условием возвращения «гостей» домой было подписание Великим визирем мирного договора. Этот договор получил название Бухарестского мира и подписан был в мае 1812 года. До войны с Наполеоном остался один месяц. Так, М. И. Кутузов нанёс первое поражение Наполеону Бонапарту именно на Дунае.

В дальнейшем ему предстояло главное жизненное испытание — выиграть Отечественную войну 1812 года, уничтожив французскую армию, но сохранив французскую империю для баланса сил в Европе. Для этого следовало выпустить Наполеона Бонапарта из окружения под Березиной. Но прежде приготовить ловушку, в которую попался французский император, и ловушкой послужила Москва. Споры о целесообразности оставления Москвы вели современники М. И. Кутузова, видимо, эти споры не прекратятся никогда.

Ниже представим парадоксальные выводы о деятельности фельдмаршала, основываясь на мнении одного из союзников русской армии, находившегося на службе у российского императора, бывшего офицера Вюртембергской армии барона Людвига фон Вольцогена, получившего в России звание генерал-майора, впоследствии ставшего генералом от инфантерии прусской армии. Не будет лишним отметить, что этот генерал проявил бесстрашие в Бородинском сражении, во время которого он был контужен, награждён орденом Святой Анны 2-й степени с алмазами. В Тарутинском бое показал себя отважным и решительным офицером, за что и получил золотую шпагу «За храбрость». Барон не без основания считался одним из отцов-основателей новой прусской армии. Заметим, что стремительному карьерному росту офицера способствовала служба именно в русской армии, куда был принят приближавшийся в возрасте к сорока годам офицер после сокрушительного разгрома Пруссии войсками Франции в 1806 году. В своё время барон даже составил план ведения войны России с Францией, не отличавшийся по стилю от педантичных и методичных планов Франца фон Вейротера или Карла Людвига Августа Фридриха фон Пфуля, показав в очередной раз, что энциклопедические знания не тождественны ни таланту, ни профессиональному видению проблем

планирования военных операций. Вольцоген находился в должности дежурного штаб-офицера при М. Б. Барклае-де-Толли, в то время военного министра. Вольцоген не скрывал своего раздражения от стиля командования армией князем Кутузовым. Барону казалось, что всё происходит спонтанно, без привычных совещаний и вводных установок, коллективного обсуждения альтернативных вариантов решения тактических задач. Штабные офицеры получали конкретные указания, не понимая и не принимая стратегического смысла происходящего на театре военных действий. Окружающие князя лица оставались в полном неведении о замысле главнокомандующего. Вывод следовал прямолинейный: и сам князь не имел никаких планов, всё представлялось Вольцогену чистой импровизацией. Такая точка зрения присутствует в трудах как российских, так и зарубежных историков. Кроме того, некоторые сослуживцы М. И. Кутузова, например К. Ф. Толь, А. П. Ермолов писали, что с Михаилом Илларионовичем работать было сложно. На первый взгляд, в его деятельности не было ни системной завершённости, ни общедоступной логики. Его действия сводились к каким-то странным, отстранённым разговорам на произвольные темы. А главное, он ни с кем не делился своими планами, не нуждаясь в обсуждении и чьих-то советах, оставаясь непроницаемым для подчинённых, которые почему-то рассчитывали на его откровенность. То есть М. И. Кутузов был абсолютно закрытым человеком для окружающих, хотя они видели, что он постоянно находится в каком-то интеллектуальном напряжении. В воинской службе для него нет мелочей; он тщательно изучает ситуацию, обдумывая каждый свой ход во многих вариантах, заставляя офицеров ждать, когда в мыслях командующего сложится вся комбинация предстоящей кампании. Всё это происходило одновременно с прогулками по саду, пересказыванием лёгких по жанру французских романов, совместным распитием кофе, что придавало внешне несерьёзность происходящему. Однако при этом многочисленные разрозненные факты складывались у командующего в варианты решений, оптимальность которых также анализировалась как необходимый фактор успешности. Для окончательной мысли, приводящей к победе, необходимо время. Терпение и время есть главные союзники полководца. На этом

выводе, принадлежавшем М. И. Кутузову, закончим наш рассказ, подведя некоторые итоги русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

Во-первых, Кутузов точно определил болевую точку кампании, приведшей к победе русского оружия. Это сражение при Рущуке и пленение турецкой армии при Слободзеи, что завершило всю затянувшуюся войну.

Во-вторых, планирование самой операции осуществлялось на основе комплекса знаний как о тактике боя противника, так и о его психологических особенностях.

В-третьих, главнокомандующий знал геополитическую обстановку, сложившуюся на театре боевых действий, и точно предугадал готовность неприятеля к подписанию тех пунктов мирного договора, которые предложит русский главнокомандующий.

Вместо резюме представим некоторые задания-вопросы, которые претендуют на роль конструкторов педагогической технологии, пригодной для военно-патриотического воспитания школьников на основе изложенного материала.

1. В чём основная суть служения Отечеству? Вопрос с открытыми смысловыми границами. Здесь важна авторская позиция обучающегося.

2. Общественное признание заслуг профессионального военного — это цель или

средство карьерного роста? Насколько сам карьерный рост необходим современному офицеру?

3. Как обеспечивалась забота главнокомандующего о своих подчинённых? Найдите и раскройте такие примеры, подтверждающие эту его позицию во время Отечественной войны 1812 года.

4. Почему профессия военного сочетает в себе целый комплекс разнородных, на первый взгляд, знаний? Каких именно?

5. Как образ фельдмаршала М. И. Кутузова может помочь гражданам современной России в осознании подлинного смысла патриотизма и его роли в жизни каждого из нас? 📺

Список использованных источников

1. Кутузов-Голенищев, Михаил Илларионович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 82. СПб, 1890–1907.

2. *Пушкин А. С.* Сочинения в трёх томах. СПб.: Золотой век, Диамант, 1997.

3. *Соколов Ю. А.* Лекции по истории. www.youtube.com

4. *Глинка В. М., Помарцанский А. В.* Кутузов Михаил Илларионович // Военная галерея Зимнего дворца. 3-е издание. Л.: Искусство, 1981. С. 77–82.

5. *Джордж Доу.* Портрет М. И. Кутузова. 1829 г.